

ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 378.014.15(09) + 378.1(09)

К. Д. Скрипник

ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЕЕ ПРИНЦИПОВ

В 1988 г. ректоры и представители ряда европейских университетов подписали Великую хартию университетов, ставшую концептуальным проектом развития университетского (высшего) образования на долговременную перспективу. В статье рассматриваются исторические основания Хартии на примере средневековых университетов и идей Вильгельма фон Гумбольдта относительно реформирования высшего образования.

Ключевые слова: Magna Charta Universitatum; история высшего образования; институциональная автономия; преподавание и исследовательская деятельность.

В сентябре 1988 г. ректоры европейских университетов, собравшиеся в Болонье в честь 900-летия Болонского университета, подписали документ, ставший концептуальным проектом развития университетского (высшего) образования на долговременную перспективу. Документ этот получил название Великой хартии университетов¹. Основная идея Великой хартии заключается в том, что народы и государства должны осознать ту роль, которую университеты и другие высшие учебные заведения призваны сыграть в меняющемся и все более интернационализирующемся обществе. Были провозглашены основные принципы, которые должны быть основополагающими в деятельности высшего учебного заведения. Указанные принципы сводятся к следующим: 1. Исследовательская и преподавательская деятельность должна быть независимой от любой политической и экономической власти. 2. Преподавание и исследовательская работа должны быть неразделимы. 3. Свобода исследовательской и преподавательской деятельности является основным принципом университетской жизни. 4. Высшее учебное заведение является хранителем традиций европейского гуманизма.

¹ См. приложение к данной статье.

СКРИПНИК Константин Дмитриевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории философии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону (e-mail: skd53@mail.ru).

© Скрипник К. Д., 2015

В длительной истории высшего образования этот документ, принятый по инициативе нескольких университетов, впервые обращает внимание на роль высших учебных заведений в обществе. Основная идея Великой хартии поддерживается всей историей университетской институционализации и университетскими функциями. Но с течением времени Великая хартия стала нуждаться в определенных модификациях, в первую очередь в соответствующей интерпретации ее способности к эволюционированию, даже, может быть, в критике тех ее положений и принципов, которые, не теряя своей универсальной ценности, иногда не могут быть использованы для принятия решений, адекватных для столь сложного образования, которым является мировое сообщество. Университетское сообщество, работая для общества и в обществе, продолжает и, по мнению Ф. Роверси-Монако, президента коллегии Великой хартии, должно оставаться очень специфическим образованием, которое способно решить любые задачи только при условии своей независимости, автономии и инноваций. В связи с наблюдаемыми процессами глобализации, роста числа студентов, все более широко распространяющимся вмешательством государственных институтов в университетскую жизнь необходимо еще раз проанализировать исторические основания принципов Великой хартии, претензию университетов на роль хранителей культурного наследия прошлого и их способность сделать серьезный вклад в развитие современного общества. Институты высшего образования должны находиться в состоянии постоянного изменения в соответствии с требованиями двух относительно противоположных тенденций. Одну тенденцию представляют требования со стороны каждого отдельного человека на получение возможности роста его интеллектуальной силы и удовлетворения личных потребностей в знаниях и образовании. Другую тенденцию представляют требования таких структур, как общество и государство, которые оказывают серьезное административное, финансовое и материальное давление на высшую школу.

Современные университеты (далее под этим словом будем понимать любые институциональные образования высшей школы) представляют собой, по существу, конгломераты различных организационных форм и исторически сложившихся их пониманий. Признавая эти различия, Великая хартия (далее — Хартия) определяет некоторые решающие институциональные характеристики высшего образования в качестве базовых принципов будущего высшей школы и ее управления и руководства. В качестве первой такой характеристики Хартия предлагает то, что может быть названо «идеальным университетом» в смысле идеала университета.

Идеал же университета и принципы, предлагаемые Хартией, были заложены в период Средневековья, за исключением, пожалуй, требования сочетания преподавательской и исследовательской работы, которое появилось лишь в XIX в. Первым критическим шагом в интерпретации принципов Хартии должно быть их рассмотрение в хронологическом контексте. Каждый из принципов изначально появлялся в ответ на требования общества на определенной стадии своей истории, не только отдаленных от нас времен, но и современной нам истории. Действительно, требование преодоления политических и географических границ,

содержащееся в Хартии, с момента ее подписания (1988) не нуждается, думается, в дополнительной аргументации в силу происходящих в мире глобализационных и глобализующих процессов; что же касается институциональной автономии и неразделимости преподавания и обучения, то они заслуживают специального обсуждения. Меняются требования времени, требования, предъявляемые к высшему образованию обществом и самими университетами, — и принципы Хартии не могут не эволюционировать в ответ на эти изменения.

Институциональные формы высшего образования появились изначально на основе того, что некоторые исследователи называют «интеллектуальным университетом», определенной общностью преподавателей и студентов. Жак Ле Гофф [4] отмечает, что европейский XIII в., век городов и торговли, был также, опять-таки в рамках городов, веком школьным и университетским. Самым впечатляющим достижением времени было создание «высших» школ, университетов. Такие школы в начале XII в. получили название «общая школа» (*studium generale*), указывавшее одновременно и на их высший статус, и на обучение энциклопедического типа. В условиях складывания системы городских ремесел эти школы тоже начали по образцу прочих ремесел объединяться в корпорации и стали называться университетами, что на латыни и означало «корпорация»; этот термин впервые появился в Париже в 1221 г. для обозначения общины парижских преподавателей и студентов (*universitas magistrorum et scholarium*). Университетский профессор совмещал преподавание и труд, связанный с размышлением и письмом, — то, что мы сегодня называем исследовательской деятельностью. Репутация наставника, участие в социальных и политических дебатах (на такие темы, как нищенство монахов, королевская власть, папское налогообложение) дополняли прямые функции преподавателя, закрепляя за ним ту роль, которая повсеместно признается за интеллектуалами начиная с XIX в. На этом основании Ле Гофф называет этих университетских преподавателей «средневековыми интеллектуалами».

Начальная стадия развития и становления университетов связана в первую очередь с достижением и защитой институциональной автономии. Первые европейские институциональные формы в сфере высшего образования возможно связывать еще с античностью, со школой Исократы, с Ликеем Аристотеля и Академией Платона, хотя существовали и иные. Так, по мнению П. Адо, Платон в Академии создал образовательную среду, независимую от полиса, и сократическая концепция воспитания в процессе живого общения и в атмосфере любви получила в этой образовательной среде институциональную форму [1, 2]. Тема процесса обучения в школах Исократы, Платона и Аристотеля заслуживает особого анализа, но в данном контексте следует отметить по меньшей мере одно обстоятельство. Все эти школы в достаточной степени были откликом на потребности общества, задающего тон и направление обучение. Исократ обучал учеников практическому искусству риторики, так как свободный гражданин, не обладающий соответствующими риторическими знаниями и умениями, мог прозябать в неизвестности; Платон, будучи твердо уверен, что именно философы должны управлять государством, в ожидании этого создал, по сути дела, особое государство, в котором учились управлять. Аристотель, считая, что теоретическая жизнь гораздо важнее, основал

в Ликее именно теоретическую школу, заложив основы того, что мы могли бы сегодня назвать лекционным обучением, «лекторием» своего рода.

Правившая в Египте после смерти Александра Великого, одна из самых знаменитых учеников Аристотеля, династия Птолемеев была весьма озабочена своим престижем; было принято решение о создании в Египте интеллектуальных учреждений, подобных афинским школам. Именно в этих целях со всего мира приглашаются ученые, создается александрийская библиотека, ставшая первым институциональным образованием, посвященным обучению и исследованиям, которое было создано и финансово обеспечивалось государством. В Риме весьма высоко ценилось образование сначала как аристократическое занятие, а затем и как средство создания гражданской карьеры. Стабильность римского государства обеспечивалась и развитием образовательных институтов, следствием чего стало основание подобных учреждений в Западной Европе, Реймсе, Тулузе, Ницце и некоторых других местах [8, 13]. Однако такие учреждения не копировали греческую практику, которая была модифицирована с учетом потребностей государства и общества — во главу угла было положено юридическое образование, ставшее, по выражению С. Лэя, продуктом «римского прагматизма». Даже после падения Римской империи выработанные образчики калькировались в Византии времен императора Юстиниана.

Это был период особо внимательного отношения общества, государства и правителей к развитию образования, когда осуществлялась его материальная и финансовая поддержка, когда императоры сами основывали кафедры, освобождали преподавателей от налогов (как, например, император Веспасиан, основавший в Риме кафедру риторики), расширяли данные привилегии (как это делали Траян, Адриан, Марк Антоний), приглашали на работу с установлением, говоря современным языком, штатного высокого содержания. Со стороны властей наличие образовательных учреждений рассматривалось как способ влияния на общество, поднятия престижа власти, а от преподавателей требовалось быть более внимательными к властным пожеланиям.

И все же начало университетов, при всем уважении к античным корням, было положено в Средневековье, прежде всего в силу того, что образование в каких бы то ни было институциональных формах практически отсутствовало в Европе на протяжении пяти веков после распада Римской империи. Появление университетов не было просто возрождением античной традиции, это было новое событие, на которое оказал влияние целый набор факторов.

К моменту появления первых средневековых университетов Европа отличалась стабильностью и процветанием на всех уровнях общества, стали формироваться достаточно сильные и централизованные властные структуры; немаловажную роль сыграло знакомство с иными культурами в результате Крестовых походов. Наиболее сильным различием между античными традициями и высшим образованием в Средние века было формирование и эволюция институциональной автономии появляющихся университетов. Данная автономия имела два аспекта: правовая и экономическая независимость и контроль над знанием. Ранее мы уже говорили о двух моделях создания университетов в Средние века [5]. Но при

всех различиях общими были тенденция объединения студентов и преподавателей в противостоянии внешней угрозе и способность университетов обеспечить себе поддержку светских и духовных авторитетов в отстаивании своих прав. Так, противостояние студентов и городской власти Болоньи вынудило императора Фридриха Барбароссу в 1158 г. подписать знаменитую хартию «*Autentuca Habita*», направленную на защиту студентов. В частности, обеспечивалась защита студентов и преподавателей во время поездок к местам обучения («Имея постоянное попечение о всех учениках, которые путешествуют ради получения знаний, и особенно заботясь о профессорах божественного и священного права, мы, руководствуясь нашим благочестием, даруем им милость. Чтобы как сами они, так и их посланцы в полной безопасности путешествовали к местам, в которых они совершенствуются в науках, и спокойно там обитали...»), а право разбора неблагоприятных поступков студентов даровалось университетской власти («Если же кто-либо пожелает возбудить иск по какому-либо делу, разбирательство должно происходить по свободному выбору школяра либо в присутствии его господина и учителя, либо у самого епископа города, которым мы даруем в этом случае юрисдикцию. Если же кто-либо попытается привлечь их к суду другого судьи, такой суд объявляется недействительным, даже если разбирательство происходило по всем правилам...»).

Духовная власть, изначально с большой степенью опаски относившаяся к автономии университетских сообществ, достаточно быстро изменила свою позицию, стала выступать в защиту студентов с не меньшим рвением, чем власть светская. Так, в знаменитой булле Григория IX «*Parens scientiarum*» от 13 апреля 1231 г. утверждается автономия Парижского университета и право забастовок против местных властей. Известна в истории и позиция папы Бонифация VIII, поддержавшего в 1301 г. студентов Болоньи в их споре с местными властями, которые настаивали на том, чтобы ректор университета приносил им присягу в верности. Здесь явно прослеживается стремление власти, светской ли, духовной ли, сохранить независимость университетов от местных (светских, равно и духовных) властей, выделить их из остального общества многочисленными привилегиями и бенефициями. Стремление со стороны верховной духовной власти если не руководить напрямую, то вмешиваться в дела университетов наблюдается в течение длительного времени. Так, источники приводят сведения о том, что только Гонорий III за 10 лет своего понтификата 82 раза вмешивался в дела Парижского университета, Григорий IX за период с 1227 по 1241 г. издал 46 распоряжений по делам университета, Александр IV — 87 распоряжений (1254–1261) и т. п.

Еще одним примером такого вмешательства, направленного на укрепление влияния церкви в сфере университетской жизни, является присуждение права преподавания. После обучения и сдачи необходимых экзаменов школяр мог получить *licentia docendi* — право преподавать, но в течение XIII в. папство постепенно конвертировало такую лицензия на право преподавать в более широкую *jus ubique docendi* — право преподавать в любом месте. Заслуга в этом принадлежит, несомненно, папе Григорию IX, даровавшему эту привилегию при основании им университета в Тулузе в 1233 г. Позже она была расширена на другие университеты,

включая Болонский (1291) и Парижский (1292). Как отмечает Г. И. Липатникова [3], огромное значение для укрепления позиций Римской курии в университетах стала иметь и система наделения студентов и преподавателей церковными бенефициями, которая ставила членов университетов в материальную зависимость от папства. Она приводила к тому, что на теологических факультетах, факультетах канонического и отчасти гражданского права стали воспитываться люди, пополнявшие ряды высшей духовной иерархии.

Светская власть не отставала от папства как в предоставлении университетам привилегий и льгот различного типа, так и в процессе основания новых университетов². В этом контексте была уже упомянута хартия Фридриха Барбароссы, следует упомянуть и грамоту Филиппа II Августа Парижскому университету (1200), которые заложили основы «университетской» политики европейских государей. Помимо прочего светские государи требовали от университетов, чтобы именно они, опираясь на нормы (римского) права, доказывали непогрешимость королей и расширяли их влияние на феодальную власть, а в случае необходимости помогали противостоять власти папской.

Итак, в целом ряде аспектов жизни средневековых университетов были заложены институциональные формы современного университета (некоторые сохранились до наших дней), проявлениями которых можно считать институциональную автономию, основание факультетов, кодификацию знания и ученых степеней и званий, получение лицензий на право преподавания. Такова была вторая фаза развития высшей школы.

Вплоть до XVI в. университеты оставались в центре культурной жизни Европы. На протяжении последующих двух веков в университетской жизни происходят заметные изменения. Университеты останавливаются в развитии, стагнируют, уделяя все большее внимание сохранению своих статусов, привилегий и неизменного знания. Несмотря на требования общества, университеты весьма медленно принимают какие-либо изменения. Меняются идеалы и требования к образованию

² Приведу в качестве примера выдержку из Учредительной грамоты польского короля Казимира III на основании Краковского университета (1364): «Мы, Казимир, милостью Божией король Польши... пламенно желая, как и повелевает наш долг, чтобы получало распространение все то, что служит пользе и общему процветанию людей, постоянно изыскивая средства к добру и не сомневаясь, что это принесет пользу клирикам и подданным нашего королевства, порешили, чтобы в нашем городе Кракове было названо, избрано, установлено и определено место, где будет процветать *studium generale* в составе одобренных факультетов. И настоящим мы выражаем желание, чтобы так было с этого времени на вечные времена. И пусть в этом месте будет находиться жемчужина могущественной учености, чтобы учить людей зрелости в их суждениях, облекать их в роскошные одежды добродетели и направлять к процветанию в различных областях знания... И пусть свободно и без опасений съезжаются в этот город Краков не только жители нашего королевства и окружающих земель, но и все другие с разных частей света, кто желает приобрести эту преславную жемчужину знаний. <...> Далее, с этого времени мы учреждаем школы, в которых будут изучаться каноническое и гражданское право, медицинские науки и «свободные искусства»».

как со стороны преподавателей, так и со стороны студентов. Рост стоимости обучения приводит к тому, что все меньше людей могут себе это позволить; одновременно становится все менее ясной и транспарентной практическая ценность образования. Университеты все больше рассматриваются как привилегия для богатых, нежели как средство социального продвижения и успеха. Традиционная высшая школа превращается в средство социальной демаркации. В этот же период обостряется еще один фактор университетской жизни, нашедший в наше время отражение в Великой хартии. За университетами остается только преподавание, научная жизнь, теоретические и особенно прикладные исследования выходят за стены традиционных университетов. Начинается процесс быстрого распространения университетов нового типа, примером является университет Лондона, в котором обучаются самые разные студенты и могут сдать экзамены и получить степень студенты тех институтов, которые были аффилированы позже знаменитых колледжей «Оксбриджской системы». В первые десятилетия XIX в. группа немецких реформаторов образования во главе с Вильгельмом фон Гумбольдтом провозглашает совершенно новый подход к организации и функциям университета. Общественное движение, приведшее к созданию Лондонского университета и породившее идеи немецких реформаторов, не возникает на пустом месте; можно назвать несколько радикальных моментов исторического развития, бывших отдаленными или более близкими по времени основаниями этих изменений.

Несомненно, одним из таких моментов должна быть названа «революция Гутенберга» [12]. Инновационные технологии Гутенберга революционизировали производство и распространение знания и информации и имели далеко идущие профессиональные (образовательные) последствия. Технологии книгопечатания меняют не только содержание образовательного процесса, но и осознание студентами и преподавателями своей роли и места в нем. Преподаватель становится не просто транслятором знания, но интерпретатором его (в некотором ограниченном варианте это встречалось уже в средневековых университетах) и даже производителем нового знания. Хотя еще продолжают использоваться традиционные технологии образовательного процесса, преподаватель все в большей степени опирается на тексты, известные не только ему, но и студентам тоже. Замечу, что в настоящее время эта характеристика все более усиливается и должна быть подчеркнута особо.

Вторым моментом можно считать научную революцию XVII в., приведшую Гумбольдта к идеям о новом университете. Эта революция в первую очередь повлияла на методы получения и развития научного знания, а также имела серьезные экономические и институциональные последствия, прежде всего в организации образовательного и исследовательского процесса. Как и технологическая революция Гутенберга, данная научная революция привела к изменению самой ментальности и *habitus* (обыкновения) преподавателя и студента. В частности, именно научная революция Нового времени обусловила практически одновременное появление новых институциональных форм получения и развития нового знания в виде европейских академий (*L'Académie française* — 1635 г., *Royal Society* — 1660, *Académie des sciences* — 1666). В это время зарождается, пусть в рудиментарной

форме [12, 6], современный научный работник, человек науки. К середине XVIII столетия Карл Линней говорит о появлении *Homo Europaeus* — «*levis, argutus, inventor*» (быстрого, пронизательного, инновационного), т. е. современного учебного (не секрет, что Линней имел в виду прежде всего себя).

Указанные процессы совпадают с набирающими силу процессом выхода университетов из-под влияния церковной власти и процессом профессионализации. Все это приводит к необходимости не просто реформирования существующих университетов, а реорганизации всех трех главных — французской, немецкой и английской — университетских систем.

Идея Гумбольдта реализуется в создании Берлинского университета (1810), в котором радикально переопределяется функция высшего образования [12]. Перед университетом ставится задача быть краеугольным камнем, центром национального возрождения и обновления. Университет должен стать хранителем национального духа народа и средством поддержания национальной гордости. Фундаментальным для такого подхода является утверждение, что подлинный университет уделяет равное внимание и исследовательской, и образовательной деятельности. Опорным для Гумбольдта становится понятие *Wissenschaft*, которое в данном контексте приобретает смысл «исследовательского образования». Теперь задача профессуры — развивать самостоятельное мышление студентов; обучение понимается как обоюдный процесс, объединяющий усилия студентов и профессоров. Максимами университета становятся *Lernfreiheit* и *Lehrfreiheit* (подробнее см. [5]). Тот принцип Великой хартии, согласно которому учебный процесс в университетах должен быть неотделим от исследовательской деятельности, является продуктом именно этих реформ.

И хотя не все принципы Великой хартии были рассмотрены в данной статье, поведем некоторые итоги.

Великая хартия предпринимает попытку дать ответ на насущные вопросы, которые ставит общество перед университетами. Понятия и принципы Хартии представляют собой результат многовекового развития университетов и в совокупности формируют обобщенный портрет некоего своеобразного, может быть, даже уникального образования — идеального университета. Но мир продолжает развиваться, и те же самые общественные силы, которые создавали стимулы для развития университетов в прошлом, создают в наше время новую среду образовательной деятельности. В этом новом окружении, говоря словами С. Лэя [11], ряд определений Великой хартии вызывает вопросы. В первую очередь это вопросы, связанные с различием институциональной и функциональной автономии университетов, с формулированием ясных и перспективных целей университетов и образования в целом, которые должны отражать прошлое и в то же время быть устремлены в будущее. В исторической ретроспективе гораздо более важными представляются вопросы не о том, каким был университет, а о том, что он делал. Функциональные характеристики должны превалировать над институциональными, дух высшего образования требует именно образования, а не просто обучения профессии. Образование же может быть адекватно реконструировано лишь в широком культурном контексте, стремление к сужению которого наблюдается

все чаще и чаще. С этой точки зрения имеющиеся в законодательстве нормы академических свобод приобретают все более серьезное значение. Университеты должны, помимо обучения и научных исследований, стать своего рода «центрами разума», целью которых должна быть «максимизация разумности» общества и которые должны взять на себя гораздо более серьезные и важные социальные задачи.

1. *Адо П.* Духовные упражнения и античная философия / пер. с франц. при участии В. Л. Воробьева. М.; СПб., 2005. 448 с.
2. *Адо П.* Что такое античная философия? / пер. с франц. В. П. Гайдамака. М., 1999. 288 с.
3. Документы по истории университетов Европы XII–XV вв. / пер. с лат. Г. И. Липатниковой. Воронеж, 1973. 242 с.
4. *Ле Гофф Ж.* Рождение Европы. М., 2007. 400 с.
5. *Суворов Н. В.* Средневековые университеты. М., 1898. 254 с.
6. *Тихонова М. Г.* Университеты Западной Европы: из Средневековья в современность // Вестн. РАН. 1995. Т. 65, № 12. С. 1135–1138.
7. *Cowley W. H., Williams D.* International and Historical Roots of American Higher Education. N. Y.; L., 1991. 341 p.
8. *Cubberley E. P.* The History of Education; educational practice and progress considered as a phase of the development and spread of western civilization. N. Y., 2005. 217 p.
9. *Haskins C. H.* The Rise of Universities. N. Y., 1923. 134 p.
10. *Lay S.* The Interpretation of the Magna Charta Universitatum and Its Principles [Electronic resource]. URL: <http://www.magna-charta.org/publications-and-documents/observatory-publications/the-interpretation-of-the-magna-charta-universitatum-and-its-principles> (accessed: 15.12.2014).
11. *Nybm T.* A rule-governed Community of Scholars: The Humboldt-vision in the History of the European University // Olsen J. P., Maasen P. (eds). University Dynamics and European Integration. Dordrecht, 2007. P. 1–31.
12. *Patterson G.* The Universities from Ancient Greece to the 20th Century. Palmerston North, 1997. 256 p.
13. *Rashdall N.* The universities of Europe in the Middle Ages. Vol. 2, pt. 1. Oxford, 1895. 317 p.

Статья поступила в редакцию 17.12.2014 г.

Приложение

ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ (Magna Charta Universitatum)

Болонья

ПРЕАМБУЛА

Нижеподписавшиеся ректоры европейских университетов, собравшиеся в Болонье по случаю девятого столетия старейшего из них, за четыре года до окончательного упразднения границ между странами сообщества, имея в виду перспективу расширения сотрудничества между всеми европейскими народами, убежденные в том, что народы и государства должны сегодня, как никогда ранее, осознать роль, которую будут призваны сыграть университеты в обществе, изменяющемся и открывающемся в международном плане, выражают убежденность в том, что:

1) будущее человечества на пороге третьего тысячелетия в широкой степени зависит от культурного и научно-технического развития, которое происходит в тех центрах культуры, знания, исследований, коими являются настоящие университеты;

2) задача по распространению знаний среди новых поколений, которую должны взять на себя университеты, означает сегодня, что они обязаны обращаться ко всему обществу, чье культурное, социальное и экономическое будущее требует теперь особого, значительного и постоянного вклада в дело воспитания;

3) университеты должны обеспечить будущим поколениям образование и воспитание, что способствовало бы бережному отношению к великой гармонии окружающей среды и самой жизни.

Поэтому мы провозглашаем перед государствами и народами основные принципы, которыми отныне и в дальнейшем должны руководствоваться университеты.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ

1. Университет действует внутри обществ с различной организацией, являющейся следствием различных географических и исторических условий, и представляет собой автономный институт, который критически осмысливает и распространяет культуру путем исследования и преподавания.

Чтобы отвечать требованиям современного мира, в своей исследовательской и преподавательской деятельности он должен иметь моральную и научную независимость от политической и экономической власти.

2. Учебный процесс в университетах должен быть неотделим от исследовательской деятельности с тем, чтобы преподавание в то же время было на уровне, отвечающем эволюции как потребностей общества, так и требованиям, предъявляемым к научным знаниям.

3. Поскольку свобода преподавания, исследований и обучения является основным принципом жизни университетов, то как общественная власть, так и университеты должны в рамках своей компетенции гарантировать это и способствовать соблюдению столь приоритетного требования.

Отвергая нетерпимость и будучи постоянно открытым для диалога, университет становится, следовательно, наиболее предпочтительным местом встречи между преподавателями, обладающими способностью передавать знания и владеющими средствами их углубления через исследования и поиски нового, и студентами, имеющими право, желание и способность обогащать себя этими знаниями.

4. Являясь хранителем традиций европейского гуманизма, но в постоянном стремлении к достижению универсальных знаний, университет, выполняя свою функцию, преодолевает политические и географические границы и утверждает настоятельную необходимость взаимного познания и взаимодействия различных культур.

СПОСОБЫ

Реализация этих целей в свете вышеизложенных принципов требует наличия эффективных средств, соответственно отвечающих нынешней ситуации.

1. Для обеспечения свободы исследований и преподавания всем членам университетского сообщества должны быть представлены необходимые средства для достижения этой цели.

2. Подбор профессорского состава и определение статуса преподавателей должно происходить в соответствии с принципом неотделимости исследовательской деятельности от преподавательской.

3. Каждый университет, с учетом специфики обстоятельств, должен гарантировать своим студентам сохранение свобод и необходимых условий для достижения ими их культурных и образовательных целей.

4. Университеты — в особенности европейские — рассматривают взаимный обмен информацией и документацией, а также увеличение совместных научных проектов как основные средства постоянного прогресса знаний. В этих целях, как это происходило при их зарождении, они стимулируют мобильность преподавателей и студентов и считают, что общая политика в вопросе равнозначности статуса, званий и экзаменов, хотя и при уважительном отношении к национальным дипломам, и в представлении стипендий составляет основное средство, гарантирующее выполнение их сегодняшней миссии.

Нижеподписавшиеся ректоры, от имени своих университетов, берут на себя обязательство предпринять все от них зависящее для того, чтобы каждое государство и заинтересованные наднациональные организации могли бы еще более опираться на положения этой Хартии, являющейся единоклассным выражением автономной воли каждого университета.

УДК 378.014.15(09) + 378.1:378.24(09)

Л. Н. Банникова
Л. Н. Боронина

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ ИНЖЕНЕРОВ-ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ АСПИРАНТУРЫ*

В новом законе «Об образовании в Российской Федерации» аспирантура определяется как уровень высшего образования — подготовка кадров высшей квалификации. Авторы анализируют мнения аспирантов STEM-образования (Science, Technology, Engineering, Mathematics) о проблемах обучения в инженерной аспирантуре, о мотивах выбора и профессиональных планах. Выводы исследователей опираются на данные статистики и формализованного интервью с аспирантами технических направлений подготовки ряда институтов Уральского федерального университета.

Ключевые слова: инженерное образование; мотивы выбора; профессиональные траектории; академическая карьера.

Задачи структурной перестройки экономики сложно решать без эффективной подготовки студентов к карьере в области науки, технологии и инженерии. Без совершенствования инженерного образования, базирующегося на лучших

* Статья подготовлена в рамках проекта «Формирование современной технической элиты в условиях модернизации экономики Свердловской области: проектирование модели непрерывного инженерного образования» в рамках гранта №13-06-96013, поддержанного РФФИ-Урал.

БАНИКОВА Людмила Николаевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: bannikov@planet-a.ru; ksoc@mail.ustu.ru).

БОРОНИНА Людмила Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: bulasmila@mail.ru; ksoc@mail.ustu.ru).